

Риски взросления в самосознании молодых людей пятнадцати и двадцати лет

Медведев А. М.*,

кандидат психологических наук, доцент
кафедры психологии Волгоградской ака-
демии государственной службы

Судьина И. С.**,

старший преподаватель кафедры педа-
гогики и психологии начального образо-
вания Волгоградского государственного
педагогического университета

В качестве предмета, представленного в статье исследования, выступает переживание возможных рисков взросления в самосознании молодых людей в подростковом и юности. В основе работы лежат представления о кризисе и возрастной задаче в их связи с изменениями самосознания, опирающиеся на традицию культурно-исторической психологии. В качестве дополнительных привлечены представления об интеграции идентичности в подростковом и юношеском возрасте, относящиеся к традиции «Эго-психологии» (Э. Эриксон). Кроме этого, в контекст обсуждения предмета включены размышления отечественных специалистов – философа А. С. Арсеньева, психиатра А. Е. Личко и польского психотерапевта К. Обуховского – о возможных рисках взросления в современных условиях. Собственное предположение авторов состоит в том, что переход от инфантильного к зрелому самосознанию опосредствуется рефлексивной фазой и поиском смысла существования. В исследовании использована техника эпистолярной метафоры. Обнаружена феноменология переживаний рискованности перехода.

Ключевые слова: подростничество, юность, самосознание, идентификация, идентичность, рефлексивная пауза, риск взросления, переживание, эпистолярная метафора.

Психолого-педагогические риски, традиционно ассоциирующиеся с периодами подростничества и юности, – это потеря ин-

тереса к образованию, поведенческие девиации, уход в субкультурные и контркультурные группы, выбор экстремистских и

*amm@t-k.ru

**sudina@social.volganet.ru

псевдорелигиозных идеологий. Нет недостатка в феноменологических описаниях и классификациях девиаций [4; 7]. Нас же интересует рассмотрение рисков в контексте психологии развития, причем в контексте культурно-исторического подхода. Согласно этому подходу, основы которого заложены Л. С. Выготским, аномальное развитие, отклоняющееся развитие – это варианты развития. Поэтому степень и природу рисков развития можно понять только исходя из его (развития) общих закономерностей, поскольку оно предполагает субъекта – того, кто развивается (буквально: развивает себя). Полноценное рассмотрение этого процесса невозможно без обращения к субъективной реальности человека [13].

В традиции отечественной психологии развития, восходящей к работам Л. С. Выготского, основным новообразованием подросткового возраста, а следовательно, основным психологическим ресурсом человека в юности полагается самосознание, новообразованием юношеского возраста – самоопределение (социальное, профессиональное, этическое). Согласно Д. Б. Эльконину переход от подростничества к юности – это переход между периодами, а такие переходы были им определены как кризисы. Кризис не сводится к переходу как таковому. Он обладает собственным содержанием, внутренней структурой и динамикой. Размышляя над так называемыми «малыми» кризисами («большие» разделяют не периоды, а эпохи), Д. Б. Эльконин оставил в научных дневниках следующую запись:

«... Кризисы 1 года, 7 и 15 лет? В конце предшествующих стабильных возрастов – новообразования (1 год – Я и взрослый, 7 лет – личное сознание, 15 лет – самосознание). Может быть это кризисы “расчленения”...» [14, с. 499].

О каком «расчленении» идет речь? Исходя из внутренней логики и понятийного содержания теории периодизации, предложенной Д. Б. Эльconiным, речь должна идти о расхождении мотивационно-потребностной и операционно-технической сторон деятельности, что видно на схеме,

иллюстрирующей периодизацию [14, с. 76].

В чем тогда конкретное содержание кризиса 15 лет? Оно известно – это максимальное «расщепление», расхождение представлений о смыслах взрослой жизни и реальных «операционно-технических» средств построения взрослой жизни. Решение этого кризиса также известно.

«...К концу подросткового возраста, – пишет Д. Б. Эльконин, – возникает, или, вернее, совершается отрицание взрослости именно благодаря ориентации на себя. Итог: я не взрослый. Отсюда поворот опять к новым задачам – открытие новых задач. <...> Важное следствие “поворота на себя” – эмоции как отражение именно себя как условия осуществления задачи. Отсюда значение эмоциональности в подростковом периоде» [14, с. 497].

Обратим внимание на этот «поворот на себя» и попытаемся уточнить его психологическое содержание и значение.

Как отмечают многие психологи (И. С. Кон, К. Обуховский, К. Н. Поливанова, В. И. Слободчиков, Г. А. Цукерман и др.), в подростковом возрасте начинается интегрирование различных идентификаций или, если использовать выражение М. К. Мамардашвили, «собрание себя» [8]. К. Н. Поливанова отмечает, что в детстве человек, преодолевая эгоцентризм, начинает судить о себе в соответствии с позициями и ролями в разных сообществах и деятельности. Отношения к себе как носителю ролей ученика, сына, друга могут не совпадать, но это не становится основанием внутренних противоречий. «... До подросткового возраста, – пишет К. Н. Поливанова, – “Я” фрагментарно, осколочно или ситуационно зависимо» [11, с. 79]. Иначе в подростничестве, когда «...встает новая задача развития – формирование целостной идентичности» [там же]. В описании И. С. Кона эта сторона возрастных изменений предстает следующим образом.

«До подросткового возраста свои отличия от других привлекают внимание ребенка только в исключительных... обстоятельствах. Его “я” практически сводится к сумме его идентификаций... У подростка

и юноши положение меняется... Желание избавиться от прежних... идентификаций активизирует его рефлексия... Сознание своей... непохожести на других вызывает весьма характерное для ранней юности чувство одиночества или страха одиночества» [5, с. 60].

В американской психологии, ориентированной на психоаналитическую традицию, представления о подростково-юношеском возрасте как периоде интеграции целостной эго-идентичности наиболее развернуто и последовательно обоснованы в теории Э. Эриксона [15].

Можно усмотреть в имеющихся теоретических представлениях общую идею о стадильности перехода от незрелого, неинтегрированного самосознания к зрелому, определяющему построение идентичности в юности. Общая схема может быть представлена следующим образом:

- незрелые заимствованные «осколочные» идентификации;
- рефлексивная фаза «собираания себя»;
- фаза зрелой интегрированной идентичности.

Эта схема не противоречит теории Э. Эриксона и его последователей, придерживающихся идеи моратория и статусов идентичности. Допуская определенное упрощение, мы объясняем его тем, что нас интересуют не статусы идентичности, а *опосредствование перехода рефлексивной паузой*, поскольку без рефлексии переживания рисков взросления просто не возникают.

Данная схема также не противоречит представлениям известных отечественных исследователей проблемы о переходе от подростничества к юности. В частности, такой переход, опосредствованный складывающейся внутренней рефлексивной позицией, описан Л. И. Божович [2]. Для этого перехода характерно обращение к метафизическим вопросам и построение идеальной «внутренней среды», в которой они могут ставиться и решаться. В связи с этим указанный автор отмечает характерную для юношеского возраста двупла-

новость и раздвоенность представлений о себе и мире:

«В старшем школьном возрасте лишь начинает формироваться этот теоретический, философский контекст его (школьника. – А. М., И. С.) мироощущения, его «отрыв» от реального плана взаимоотношений с окружающим и переход в план «идеальной среды». Самоопределение юноши и несет в себе черты этого становления» [2, с. 294].

Поиск «личной философии» [2], «личной этики и морали» [10] становится возможным лишь в условиях «рефлексивной паузы», пользуясь терминологией Э. Эриксона, своего рода «моратория внутри моратория», в границах которого происходит особая работа. Ведь понятно, что функционирование в таком режиме, когда преобладает операционно-техническая составляющая деятельности (даже назначенной в качестве ведущей), никакой «личной философии» не порождает. «Рефлексия, критическая переоценка ценностей..., – отмечает И. С. Кон, – психологически, как правило, связана с какой-то паузой, «вакуумом» в деятельности или отношениях с людьми» [5, с. 137].

В размышлениях А. С. Арсеньева о том, чему отдать приоритет в «расщепившейся» ситуации подростково-юношеского кризиса – рефлексии или деятельной активности и социализации, – находим четкий ответ: рефлексии.

«Вступление в подфазу юности обусловлено многими факторами, – пишет А. С. Арсеньев. – Важнейший из них – созерцание в противоположность активной деятельности... Остановка деятельности, покой, романтическая мечтательность, пушкинская «праздность» как предпосылка «вдохновения»... Именно в эти моменты человек превосходит самого себя... , здесь формируется личность и максимализм всеобщих нравственных принципов (в отличие от укорененных в социальности групповых моральных норм)» [1, с. 509].

По мнению А. С. Арсеньева, если молодой человек минует эту «паузу», пройдет мимо «последних вопросов» («проклятых вопросов», как называл их Ф. М. Досто-

евский), которые для него не актуализируются и не станут коренными вопросами его собственной судьбы, полноценного формирования личности не произойдет. В этом случае столкновение с «последними вопросами» может вызывать у молодого человека лишь ощущение неосознаваемого неудобства.

Следует заметить, что «рефлексивная пауза» и «собрание себя» вовсе не являются нормой в статистическом понимании, более того, эти «задержки развития» могут вовсе отсутствовать в большинстве биографий. Об этом говорят исследования К. Обуховского, опирающиеся на биографический анализ: человек может войти во взрослую жизнь с набором частичных идентификаций (или с одной-единственной ролевой идентификацией), не рефлектируя при этом их ограниченность [9, с. 273]. На это обстоятельство указывают также В. И. Слободчиков и Г. А. Цукерман: «... Даже в рамках европейской (христианской) культуры саморазвитие, восходящее к преодолению границ собственной единично-уникальной самости, не единственно возможный и даже не самый распространенный вектор развития личности» [13, с. 42].

Можно предположить, что риски рассматриваемого возрастного перехода могут быть представлены следующими вариантами:

- продолжение линии частичных идентификаций и построение жизни по форме «всё как у людей», минуя «рефлексивную паузу»;
- «застревание» на рефлексивной фазе, что А. Е. Личко [7] назвал «метафизической интоксикацией»;
- уход в альтернативу с возможными девиациями и построение идентичности на асоциальной стороне жизни;
- эскапизм.

Это объективно с позиции стороннего наблюдателя. Нас интересовало, как это переживается субъективно, «изнутри». Мы предполагали, что случайные, частичные, несубъектные идентификации при объективной вероятности указанных выше рисков не позволяют эти риски разглядеть:

отсутствует рефлексивный «инструмент» их различения. Напротив, наличие рефлексивных ресурсов позволяет переживать как реальные, так и потенциальные риски взросления.

В исследовании приняли участие учащиеся девятых классов средних общеобразовательных школ Волгограда и студенты волгоградских вузов, обучающиеся на третьем курсе психологических отделений. Выбор определялся содержательными и организационными причинами. Во-первых, это возрасты «на входе» и «на выходе» периода ранней юности. Во-вторых, «умудренные» знанием жизни и изучением психологии студенты могли более рефлексивно оценить возрастную задачу и задали бы нам «верхнюю планку» субъективных переживаний. В-третьих, работа проводилась в рамках студенческой практики в школах и была встроена в контур занятий студентов-психологов с подростками.

Мы предложили участникам написать метафорические истории в соответствии со следующей инструкцией: «Напишите историю, читая которую, незнакомые или знакомые, но плохо понимающие вас люди могли бы узнать о ваших главных переживаниях. Текст должен отвечать следующим требованиям:

- персонажем должно быть «условно одушевленное существо»;
- персонаж должен переживать события, которые вызывают важные для вашего возраста изменения в его окружении и отношения с ним, а также изменения во внутреннем мире;
- содержание должно быть таким, чтобы ваши сверстники могли понять происходящие события и переживания персонажа». (При выборе методического подхода мы ориентировались на исследование М.Р. Гинзбурга [3], в котором использовалась техника метафоры взросления, на работу О.В. Кузнецовой [6], применявшей технику психологического эссе, а также на работу Е.Е. Сапоговой [12], обосновывающую применимость автобиографического нарратива в контексте культурно-исторической психологии развития.)

В комментарии к заданию мы объясняли, что под условно одушевленным персонажем мы понимаем какое-либо существо, которое не является человеком или животным, поскольку поведение людей и животных предсказуемо. Поведение же этого существа может быть отчасти загадочным, что потребует от читателя некоторых усилий для понимания происходящего. Именно такая неоднозначность позволит читателю «примерить на себя» происходящие с персонажем события и его переживания.

Ниже приведены два текста 15-летних участников. Тексты представлены в авторской лексике.

Андрей А. 9 Б

В одной из школ Волгограда учились учебные принадлежности (ручки, тетради и т. п.) и учился в этой школе Карандаш который вообще не догнал историю. Он был очень неожиданно напуган когда в конце года ему поставили контрольную по истории. Но у него была девушка Шарикова Ручка, которая была отличницей в своем классе. Она очень любила Карандаша, их чувства были взаимны. Она часто помогала Карандашу и всегда стояла на его стороне. Часто поддерживала его. Историю вела Большая Папка для Документов. Она часто ставила “2” и тут как на зло должна была состояться стрелка между карандашами и линейками. Т. к. Карандаш был лидером своей группировки он должен был там присутствовать, потому что он играл главную роль в этом проделе. Карандаш должен был развести линейки, чтобы они не торговали наркотиками. Поэтому он не подготовился к контрольной и оставил эти дела на потом. Произошла стычка. Карандаш отделался сломанной стеркой, которая у него была на голове, но сохранил свой грифель. С перебентовой головой он мучительно гатовил шпоры. А Шарикова Ручка диктовала ему в слух в надежде чтобы карандаш запомнил побольше. Но карандашу пришла идея перепародировать голос директора и отменить уроки. Он пошел в ее кабинет и по микрофону абьявил о заложенной бомбе, отмене уроков. Спомощью этого карандаш выкраил еще

день и просто зазубрил весь материал наизусть и получил “4”!»

Витка, 9А

Дневник Красной Туфельки

День рождения:

Я не знаю, кто меня родил, но явно, это были два Башмака.

Первый год жизни:

Мне премиленькой маленькой Туфельке живется хорошо. Все за мной ухаживают, меняют заплатки, подстилки, гвоздики.

Третий год жизни

Я уже большая, смелая, умею ходить, но только неровно, хожу косолапо. Родители меня оттаскивают за шнурочки и заклепки домой, а я хочу шлепать по лужам и гулять с Сапожками.

Семь лет:

Я иду в обувную школу, много узнаю на уроках. У меня есть подруга Калоша, она дружит с Ботинком и Кросовками, они называют меня Крошкой из-за моего размера.

14 лет:

Я подросток. Сегодня я ходила на свидание с Лаптем и одевала новую кожу красного цвета, отчистила себя до блеска гуталином. Вообще неплохо провели время, но с Лаптем я больше не хожу. Попробую закрутить роман с Ботинком, он постарше и учится в военном училище.

18 лет:

Я закончила школу и пошла работать в витрину магазина. Там восемь часов стою неподвижно вместе с другой обувью. Многие люди заходят примерять, но у меня цена высокая: я из натуральной кожи с замшевой отделкой на очень удобном каблучке.

25 лет:

Я вышла замуж за нового русского Сапога и теперь он у меня под каблуком. Родила пять туфелек-вьетнамков: три вьетнамца и две вьетнамки. Жизнь удалась.

60 лет.

Я бабушка. У меня двадцать внуков. Все очень озорные и разноцветные шлепки.

100 лет:

Я умерла. У меня все хорошо. Меня похоронили в лесу под высокой сосной.

Р. С. А могли бы просто на помойку выбросить».

Далее мы приводим тексты, написанные студентками-психологами.

Катерина. 21 год

История о сотовом телефоне

Жил-был сотовый телефон. Красивый, стильный, с фотокамерой. Дорогой, шикарный, престижный. Обладать им хотели многие, но достался он одному. И не самому лучшему. И не самому красивому. И вообще, даже совсем не самому-самому. И этот Не-Самый-Самый стал очень гордиться своим телефоном. Ему очень нравилось обладать безропотной вещицей, управлять им – ведь больше-то ему обладать нечем было.

А телефону было противно. Очень противно, что его трогают пухлые потные пальчики, что на него вождеденно смотрят блестящие глазки, на его нежную, утонченную флеш-карту закачивают отвратительную эротику, пошлые картинки и противную музыку.

А ведь телефон так хотел, чтобы его внутреннее содержание было красиво и гармонично. Телефону претила мысль о том, что под давлением внешних обстоятельств никто так и не увидит его чистую и нежную душу. И телефон захотел с этим побороться. Он начал сам фотографировать потрясающие пейзажи, куда его брал Не-Самый-Самый, интересных людей, с которыми встречался его хозяин. Он заменял противную музыку, которую на него закачивал Не-Самый-Самый на потрясающие мелодии собственного сочинения.<...>

Сначала Не-Самый-Самый разозлился, а потом отключил телефон. <...>

От такого расстройства телефон заболел. От тоски у него начала подсаживаться батарейка, и Не-Самый-Самый отнес телефон к мастеру. Мастер, увидев, что телефон не очень доволен своей жизнью, посадил телефон на что-то другое. Он вытащил из него старое гнездо и вставил новое, к которому подходило новое зарядное устройство. И телефон понял, как ему хорошо от того, что он заряжается с помощью этого устройства! Когда Не-Самый-Самый ставил телефон на подзарядку – это стали самые любимые моменты в жизни телефо-

на. В это время телефон забывал о своих несчастьях, он забывал, что внутри него находится отвратительная эротика, он чувствовал себя счастливым и способным на все.

И очень скоро у телефона выработалась зависимость от этого средства. Он начал с нетерпением ждать следующей подзарядки, и даже сам начал специально подсаживать свою батарею, чтобы вновь насладиться чувством радости и независимости, которую ему давала подзарядка. И, зарядившись, он зависал. В эти моменты он испытывал ни с чем не сравнимое чувство полета в других мирах, чувство скольжения по лезвию бритвы и еще много разных интересных ощущений.

Но вот, однажды, после очередной подзарядки телефон завис и так и не смог включиться. <...>

Ему почистили флеш-карту, вернули товарный вид и выставили на витрину для продажи. И у телефона появилась надежда, что его вновь купят».

Мария. 20 лет

«Он был идеален со всех сторон и точек зрения. То есть абсолютно по всем параметрам. Внешним параметрам. От глянцевої поверхности до именитого логотипа. Совершенная конструкция, идеальный материал, безупречная текстура и стопроцентная функционально-техническая логичность в довершении идиллической картины. При подобном наборе качеств внутреннее содержание, само собой, никого не интересовало. А что же было внутри? Что же было внутри? Он сам неоднократно спрашивал себя об этом. Но вопросы эти оставались исключительно риторическими и никогда не получали ответа. Глянцевая, мерцающая в неоне и сияющая в ареоле отблесков солнечного света, оболочка существенно затрудняла и заранее сводила на нет процесс рефлексии за его вопиющей ненадобностью. Глянец отражался в глянце, и все возвращалось на круги своя. Но иначе и быть не могло. От него требовали сияющей полированной поверхности в окружении сияющего полированного вакуума. Чуть более чем обычно ироничная усмешка, задум-

чивый взгляд, рефлексивное высказывание – и аристократичные серебряные портсигары, пафосные телефоны с металлизированными корпусами, полифункциональные пластиковые карты советовали ему знакомых психоаналитиков или, по крайней мере, сочувственно протягивали тисненые визитки дорогих сервисных центров, а нетерпеливые мужские пальцы сурово требовали адекватного, нормированного гарантийным талоном поведения. Он и сам от себя этого требовал. Не зная, чего требовать еще. Он мог существовать только в комфортном безупречном вакууме. Он мог быть только сияющей полифункциональной оболочкой. Но эту комфортную, безупречную, функционально-соотнесенную жизнь порой омрачали мысли о том, что сотрется защитный слой металлического теснения... и что дальше? Сервисные центры? Вторичная переработка? Неужели его ничего большее в этой жизни не ждет?...

Начнем с комментария к студенческим работам. Тексты студенток, несомненно, в большей степени эмоциональны, рефлексивны и ироничны. Они отличаются от текстов школьников одновременно и детализацией, и обобщенностью описания происходящих событий и сопровождающих их переживаний. В них, несомненно, представлена более зрелая позиция по отношению к содержанию собственной жизни. При этом содержание хронотопа, в котором происходят события жизни персонажа, существенно варьирует от узнаваемых «бытовых» интеракций, как правило, с другом, любимым человеком, с человеком, претендующим на интимность, до обобщенных «космических» событий и переживаний в «отстраненном» мире, в ситуации некой внезаходимости по отношению к обыденности.

Наиболее распространенный хронотоп, встретившийся при знакомстве со студенческими работами, – это образ магазина, витрины, где персонаж ожидает, что на него обратят внимание, решатся купить и тем самым переместить в другое жизненное пространство. Мы видим в этом несомненную гендерную специфичность текстов: в них представлена актуальная для

девушек проблема удачного замужества. (Напомним, что возрастная задача, встающая вслед за обретением идентичности, в теории Э. Эриксона определяется конструктом «интимность против изоляции».) В границах этого контекста эксплицированы переживания, связанные с риском стать жертвой манипулирования, что представлено в описаниях обращения с персонажем как с «вещью». *Вещные* отношения явно противопоставляются *человеческим* отношениям. Персонаж пытается уйти от манипулирования и стереотипного функционирования, пытается поступать по-своему, самостоятельно и свободно.

Таким образом, можно предположить, что для наших респондентов важна проблема соотношения и сочетания свободы и принадлежности: риск одиночества против риска поглощения. Это вполне вписывается в возрастную задачу. Так, в концепции К. Обуховского отношение свободы и принадлежности рассматривается с применением конструкта «человек-субъект – человек-предмет». К. Обуховский пишет: «От этого выбора можно уклониться, но за счет жертв, вызванных психологическим отключением и редукцией желаний» [9, с. 251]. К способам «отключения», среди прочего, К. Обуховский относит «модифицирование своих состояний сознания» и «зависимость от кого-то или чего-то» [там же]. В полученных нами текстах риски таких вариантов «ухода» учитываются авторами («И очень скоро у телефона выработалась зависимость от этого средства», «Он мог существовать только в комфортном безупречном вакууме»), но выбор их персонажей в большинстве случаев оказывается в пользу свободного самоосуществления.

В текстах студенток эта тема иногда предстает в противопоставлении индивидуальности и социальности, например, личных намерений и социальных ожиданий. Эта проблема остро представлена в тексте Марии об идеальном нечто, где безупречное функционирование и соответствие внешним требованиям нивелирует представленность «Я» персонажа, и возни-

кает риск растворения во внешних атрибутивных характеристиках.

У подростков еще нет такого опасения атрибутивно-вещных форм взросления. Эти риски им еще не видны, поскольку осмысления соответствующих проблем взросления еще не произошло. Но такое видение намечается. Выше мы привели два существенно различающихся в этом отношении текста. Текст Андрея содержит «обыденный экстрим» школьной жизни, гиперболизированный, но вполне узнаваемый. Здесь представлен ряд частных идентификаций: роль

влюбленного, роль неуспевающего ученика, роль неформального лидера, роль обманщика. Поведение персонажа рискованное, но это не экзистенциальные риски. Никакого «созерцания» (по Арсеньеву), «отрыва» и перехода в «идеальную среду» (по Божович) здесь нет. (Отвлечешься – или двойка или голову свернут!) Девушка, подписавшаяся как Витка, нарисовала полный жизненного пути. Здесь всё «в норме», «всё как у людей». Но при этом иронические оттенки позволяют предполагать проснувшиеся ресурсы рефлексивного отношения.

Литература

1. Арсеньев А. С. Философские основания понимания личности. М., 2001.
2. Божович Л. И. Личность и ее формирование в детском возрасте. СПб., 2008.
3. Гинзбург М. Р. Использование метафоры изменения при работе со старшими подростками // Психологическая наука и образование. 1997. № 1.
4. Клейберг Ю. А. Психология девиантного поведения. М., 2001.
5. Кон И. С. Психология старшеклассника. М., 1982.
6. Кузнецова О. В. Роль временной перспективы в личностном и профессиональном самоопределении подростков // Психологическая наука и образование. 2007. № 2.
7. Личко А. Е. Подростковая психиатрия. Л., 1985.
8. Мамардашвили М. К. Необходимость себя. М., 1996.
9. Обуховский К. Галактика потребностей. Психология влечений человека. СПб., 2003.
10. Подольский О. А. Об одном подходе к изучению моральной компетентности подростка // Психологическая наука и образование. 2007. № 1.
11. Поливанова К. Н. Психология возрастных кризисов. М., 2000.
12. Сапогова Е. Е. Автобиографический нарратив в контексте культурно-исторической психологии // Культурно-историческая психология. 2005. № 2.
13. Слободчиков В. И., Цукерман Г. А. Интегральная периодизация общего психического развития.
14. Эльконин Д. Б. Избранные психологические труды. М., 1989.
15. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996.

Growing-up Risks in the Consciousness of Young People of Fifteen and Twenty Years Old

A. M. Medvedev,
*PhD in Psychology, Assistant Professor,
Psychology Chair, Volgograd Academy of State Service*

I. S. Sud'ina,
*Senior Lecturer, Pedagogics and Psychology of Primary Education Chair, Volgograd
State University of Education*

Subject of the current research was the experience of possible risks of growing up process in the consciousness of young people in the period of adolescence and youth. The basis of the study lies on the conceptions of the crisis and the developmental tasks in their relationship with changes occurring in consciousness. The study was carried out in reliance on the tradition of cultural-historical psychology and is based on the works of L. S. Vygotsky, D. B. Elkonin and L. I. Bozhovich. In addition the conceptions of the identity integration in period of adolescence and youth, belonging to the tradition of ego-psychology – an approach proposed by E. Erikson, were taken into account. In addition in the discussion thoughts of native philosopher A. S. Arseniev, native psychiatrist A. E. Licko and Polish psychotherapist K. Obukhovskij about the possible risks of growing up in modern conditions are included. Authors' own assumption includes the idea that the transition from infantile to mature self-consciousness is mediated by self-reflective phase and by the search for the meaning of existence. The study used the epistolary metaphors technique. The phenomenology of transit risk experiences is shown.

Keywords: adolescence, youth, self-consciousness, identification, identity, reflexive pause, the risk of growing up, experience, epistolary metaphor.

References

1. *Arsen'ev A.S.* Filosofskie osnovaniya ponimaniya lichnosti. M., 2001.
2. *Bozhovich L.I.* Lichnost' i ee formirovanie v detskom vozraste. SPb., 2008.
3. *Ginzburg M.R.* Ispol'zovanie metafory izmeneniya pri rabote so starshimi podrostkami // *Psihologicheskaya nauka i obrazovanie*. 1997. №1.
4. *Kleiberg Yu.A.* Psihologiya deviantnogo povedeniya. M., 2001.
5. *Kon I.S.* Psihologiya starsheklassnika. M., 1982.
6. *Kuznecova O.V.* Rol' vremennoi perspektivy v lichnostnom i professional'nom samoopredelenii podrostkov // *Psihologicheskaya nauka i obrazovanie*. 2007. № 2.
7. *Lichko A.E.* Podrostkovaya psihiatriya. L., 1985.
8. *Mamardashvili M.K.* Neobhodimost' sebya. M., 1996.
9. *Obukhovskij K.* Galaktika potrebnosti. Psihologiya vlechenii cheloveka. SPb., 2003.
10. *Podol'skii O.A.* Ob odnom podhode k izucheniyu moral'noi kompetentnosti podrostka // *Psihologicheskaya nauka i obrazovanie*. 2007. №1.
11. *Polivanova K.N.* Psihologiya vozrastnykh krizisov. M., 2000.
12. *Sapogova E.E.* Avtobiograficheskii narrativ v kontekste kul'turno-istoricheskoi psihologii // *Kul'turno-istoricheskaya psihologiya*. 2005. № 2.
13. *Slobodchikov V.I., Cukerman G.A.* Integral'naya periodizaciya obshego psihicheskogo razvitiya // *Voprosy psihologii*. 1996. № 5.
14. *El'konin D.B.* Izbrannye psihologicheskie trudy. M., 1989.
15. *Erikson E.* Identichnost': yunost' i krizis. M., 1996.